РАЗСКАЗЫ

О ЦАРСТВѢ

БОВЫ КОРОЛЕВИЧА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ѲЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ НЕРОНОВУ

1863—1873.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.

Екатерининскій каналъ, 168.

1873

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 3
I. Бояре 5
II. Мужики 12
III. Купцы и ярыжки 17
IV. Земли 22
V. Капиталы 24
VI. Работы 26
VII. Аренды, проценты, заработки 29
VIII. Пилигримъ Бовы 32
IX. Смерть Бовы 37

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Александръ Иванычъ Кругловъ, начитавшись и наговорившись вдоволь, задумалъ еще расписаться. Теперь, думалъ онъ: я говорю и читаю; а умру,—и нечего будетъ слушать. Хочу, чтобъ и послѣ смерти моей можно было меня слышать. Всякій человѣкъ оставляетъ по себѣ дѣтище, родъ свой, который продолжаетъ имя его и говоритъ о немъ людямъ. У меня нѣтъ иного дѣтища какъ слово мое; пусть же и говоритъ оно обо мнѣ по смерти. И такъ задумалъ онъ книжку писать и хотѣлъ потомъ напечатать ее. Читая сказку о славномъ, сильномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекрасной супругѣ его королевнѣ Дружневнѣ, Кругловъ всегда жалѣлъ, что есть у сказки начало, да нѣтъ конца. Много тамъ написано про

жизнь славнаго Бовы королевича, да ничего не написано про смерть его. Много сказано о его подвигахъ ратныхъ, да ничего о мирныхъ. Много наговорено о скитаніи его по бѣлу свѣту въ чужихъ государствахъ и королевствахъ, да ничего не сказано о томъ, какъ онъ царствовалъ въ своемъ, послѣ того какъ отвоевалъ его отъ короля Дадона. И такъ Кругловъ задумалъ конецъ Бовы описать, и описалъ его въ этой книжкѣ, которую мы теперь и отпечатали. Сказка Круглова разсказывается такъ:

I.

Бояре Бовы Гвидоновича.

Отвоевавши у царя Дадона столичный градъ Антонъ и сдѣлавшись королемъ въ своемъ королевствѣ, Бова пересталъ называться королевичемъ, а прозвался по батюшкѣ Гвидоновичемъ. Супруга его, королевна Дружневна, стала теперь величаться королевою, Дружневною Зензевѣевною; а дѣти ихъ стали величаться королевичами; королевичъ Личарда и королевичъ Симбалда. Королевичамъ своимъ Бова велѣлъ вѣдать ратью; Личарда вѣдалъ конными, Симбалда вѣдалъ пѣшими воинами. А самъ Бова правилъ мирное дѣло, и жаловалъ вѣрныхъ слугъ своихъ. Министромъ своимъ поставилъ онъ своего вѣрнаго Тервеза, а дядю его Огена сдѣлалъ старшимъ бояриномъ при королевѣ Дружневнѣ Зензевѣевнѣ. И крѣпко-на-крѣпко приказалъ онъ всѣмъ слугамъ своимъ, министрамъ, царедворцамъ и придворнымъ, чтобы всякому и бѣлому, и чорному народу былъ доступъ къ нему, и чтобы никого отъ него не гнали прочь и всѣхъ допу-

скали съ жалобами къ нему; а кто не допуститъ, тому смерть.

И пришли къ нему прежде всего люди чорные, крестьяне, мужички Христовы, и стали подъ крыльцомъ. Король Бова вышелъ къ нимъ на крыльцо, и увидѣлъ передъ собою толпу великую, силу несмѣтную, и спросилъ: Сколько васъ? Отвѣчали ему крестьяне, что нѣтъ имъ ни счету, ни числа. Тогда велѣлъ говорить, и обѣщалъ пожаловать, если праведно будутъ сказывать. «Мы всѣ твои холопи вѣрные, заговорили крестьяне: и рады служить тебѣ, государю, вѣрою и правдою и всѣми животами своими. Но не давай насъ въ обиду, государь-батюшка, Бова Гвидоновичъ! изморили насъ за короля Дадона бояре твои, господа и дворяне. Много оброку всякаго брали съ насъ, и всякія неправды чинили. Посулами и взятками разоряли насъ. Чести намъ никакой не давали. И не чѣмъ намъ подати нынче платить, нечего въ казну твою государеву нести. Пожалуй, царь-государь, награди рабовъ твоихъ». Тогда сказалъ имъ Бова Гвидоновичъ: «чего-жъ вы хотите, люди божіи?» Отвѣчали ему люди божіи: «Хотимъ, государь, чтобъ ты отослалъ бояръ за море, чтобъ нельзя имъ было животы съ насъ тянуть, чтобъ жили мы сами по себѣ, и твою службу государеву сами справляли. А будетъ довольно съ тебя и насъ однихъ: и войско тебѣ поставимъ, и казну твою королевскую наполнимъ, и всякую службу твою исправимъ».

Отпустилъ Бова людей божіихъ, воротился въ палаты королевскія, собралъ всѣхъ князей своихъ, бояръ,

царедворцевъ, дворянъ и придворныхъ и всякій служилый людъ, и такъ говорилъ имъ: «Приходили ко мнѣ мужики, люди божіи, а нѣтъ имъ ни числа, ни счету. И били они челомъ мнѣ, государю, чтобы за море васъ выслать. Много оброку всякаго вы съ нихъ брали, и всякія неправды чинили. Посулами и взятками разорили ихъ. Чести имъ никакой не давали. И нечѣмъ имъ нынче подати платить, нечего въ казну мою государеву нести. А будетъ ихъ довольно съ меня и однихъ; сами они войско мнѣ поставятъ, сами казну мою наполнятъ, сами всякую службу мою исправятъ. И хочу я пожаловать мужиковъ, а васъ выслать. Ихъ много, а васъ мало; имъ нѣтъ другого мѣста, а вы вездѣ себѣ найдете и честь, и службу. Идите въ чужія земли и королевства, а здѣсь васъ не надо».

Повѣсили бояре головы и пошли по домамъ. И стали продавать пожитки свои, стали снаряжаться въ дорогу, стали прощаться съ могилами отцовъ и дѣдовъ своихъ, и выѣхали всѣ до одного изъ царства Бовы Гвидоновича. Выѣхалъ и Тервезъ, выѣхалъ и Огенъ, выѣхали и князья, и бояре, и царедворцы, и дворяне, и всякіе служилые люди, и генералы и офицеры. Одни изъ нихъ поѣхали въ королевство Задонское, другіе во градъ Датскъ, третьи въ Рагильское царство. Позвалъ тогда король Бова вѣрныхъ мужиковъ своихъ, и велѣлъ имъ набрать изъ себя министровъ, царедворцевъ, генераловъ, офицеровъ и всякаго служилаго люда и прислать къ нему для службы его королевской. Собрались мужики на совѣтъ, выбрали изъ себя разумныхъ людей, и послали ихъ въ

королевскія палаты для службы королевской. И сталъ Ѳома министромъ, а Пахомъ старшимъ бояриномъ у королевы Дружневны. Сидоры да Антипы стали генералами и офицерами. И стали они служить вѣрою и правдою, стали отправлять службу государеву. На другой день послѣ того приходитъ королева Дружневна къ супругу своему королю Бовѣ Гвидоновичу, и, поцаловавъ его въ уста, говоритъ ему такъ: «Какихъ ты людей, государь мой король, далъ для моей службы? никакого учтивства они не знаютъ и мнѣ не дѣлаютъ, ноги мнѣ совсѣмъ оттоптали! сморкаются на полъ, и всѣ палаты мои королевскія засморкали, такъ что ходить по поламъ нельзя. Бьютъ и роняютъ всякую посуду, и много изъяну казнѣ твоей дѣлаютъ, и никакого порядку придворнаго не знаютъ». Приходитъ на третій день королевичъ Симбалда, и такъ говоритъ королю: «Какихъ ты людей, король-батюшка, далъ мнѣ для службы твоей королевской? никакого артикула военнаго они не знаютъ, хотя генералы и офицеры! Командуетъ на право, а хочетъ, чтобъ повернулись на лѣво. Гдѣ надо трубить, тамъ кричитъ, а гдѣ кричать надо,—трубитъ. Сабли вѣшаютъ на правый бокъ, а кисти черезъ плечо на лѣвый. Сами солдаты надъ ними смѣются и ихъ не слушаютъ. А тѣ, видя это, и приказывать боятся, не смѣютъ. Лучше ужъ, государь-батюшка, отпусти ты этихъ генераловъ и офицеровъ землю пахать, а я лучше надѣлаю тебѣ генераловъ изъ солдатъ. Они знаютъ порядокъ и военный артикулъ». Приходитъ на четвертый день королевичъ Линарда, и такъ говоритъ королю: «Какихъ ты людей, государь-ба-

тюшка, прислалъ въ твою конную службу? никакой службы, ни конной, ни пѣшей они не знаютъ; а пока научатся, непріятель придетъ и перебьетъ всѣхъ насъ до одного. На коня генералъ садится,—скамеечку подставляетъ, или за гриву коня уцѣпится и карабкается. Иной только что сѣлъ на коня, а уже падаетъ, прежде чѣмъ поѣхалъ. Другой сидитъ, не падаетъ, но ухватился обѣими руками за шею и лежитъ на сѣдлѣ, а не сидитъ. Отпусти ты ихъ, государь-батюшка, по домамъ; а лучше ужъ наберу я тебѣ генераловъ и офицеровъ изъ солдатъ: они больше привычны и службу знаютъ».

Задумался король Бова Гвидоновичъ, но не хочетъ слову своему измѣнять, хочетъ мужиковъ жаловать. Изъ царства Задонскаго, отъ царя Салтана Салтановича пришла важная грамотка къ Бовѣ; и приказалъ Бова читать грамотку Ѳомѣ. Но Ѳома сказалъ, что грамотѣ съ дѣтства обученъ не былъ, и для того читать грамотку не можетъ. Король Бова позвалъ королевина боярина Пахома и велѣлъ ему читать. Пахомъ также отказался. А послы царя Салтана стоятъ, шепчутся и въ кулакъ смѣются. Собралъ Бова всѣхъ царедворцевъ своихъ, всѣхъ генераловъ и офицеровъ, и велѣлъ выступить тому, кто грамотный. Выступилъ генералъ и сказалъ: я грамотный! Тогда дали ему грамоту читать. Онъ взялъ въ руки грамоту, повертѣлъ ее въ рукахъ, и отвѣчалъ такъ: «Это грамота рукописная и гражданскими словами, а я читаю только церковное и по печатному». Отослали генерала прочь, и спросили, нѣтъ ли такого генерала, чтобъ читалъ по писанному какъ по печатному, и граж-

данское какъ церковное. Генерала такого не нашлось, но нашелся офицеръ. Онъ взялъ грамоту вверхъ ногами, долго смотрѣлъ на нее, и наконецъ сказалъ, что она не по нашему писана. Тогда разослали гонцовъ по всему царству Гвидонову, чтобъ найти человѣка, который умѣетъ читать не по нашему. Нашелся купецъ, который ѣздилъ съ товарами въ царство Салтаново, и зналъ говорить и читать по тамошнему. Позвали его въ палаты королевскія, велѣли грамоту отъ Салтана читать. Купецъ пришелъ, грамоту прочиталъ бойко, и поклонился королю. Король Урилъ писалъ, что идетъ на его царство рать великая, и что одному ему стоять противъ этой рати не можно. Потому проситъ помощи у Бовы. А за помощь обѣщаетъ выдать дочь свою, прекрасную Мельчигрію, за королевича Личарду, съ тѣмъ что въ приданое ему отдаетъ все свое Задонское царство, и будетъ онъ, Личарда, ему вмѣсто сына, покойнаго Лукапера, убитаго Бовою. Полюбилась Бовѣ грамотка, велѣлъ онъ какъ можно скорѣе отписать на нее, и приказалъ писать купцу. Но купецъ сказалъ, что по задонски онъ только читаетъ, а писать не учился, не надо было. Стали опять искать такого, кто бы и писать по задонски умѣлъ; но во всемъ королевствѣ не нашли такого. А послы Салтановы давно уже домой просятся, спѣшнымъ дѣломъ отговариваются. И велѣлъ имъ Бова низко кланяться царю ихъ Салтану Салтановичу, и на словахъ сказать, что будетъ къ нему съ ратью какъ можно скорѣе.

Обѣщать-обѣщалъ Бова, но обѣщавши задумался. Какъ пойду я съ такою ратью, гдѣ генералы съ коня

падаютъ, за гриву и за шею держатся, на сѣдлѣ лежатъ, а не сидятъ? и что мнѣ, королю, теперь дѣлать? какъ бы царство Салтаново межъ рукъ не пропустить, не пропустить и прекрасную Мельчигрію, невѣсту Личардову?.. Пришелъ къ Бовѣ министръ Ѳома и говоритъ, что народъ взбунтовался, ломится къ крыльцу королевскому, отогнать его никакъ не можно, хочетъ государя видѣть. А бунтовщикъ онъ завѣдомый, и государь не выходилъ бы къ нему. Вышелъ Бова Гвидоновичъ къ народу своему, и спросилъ: Чего вы хотите, люди божьи?—«Челомъ тебѣ бьемъ, великому государю нашему Бовѣ Гвидоновичу! не прикажи казнить, прикажи миловать. Пуще прежняго нѣтъ намъ житья отъ новыхъ твоихъ генераловъ, бояръ и министровъ: взважничались, ударились въ спѣсь, проходу намъ отъ нихъ нѣту. Бьютъ насъ немилосердно и мучатъ. Поборами доѣзжаютъ пуще прежняго. А терпѣть намъ пуще прежняго не въ мочь, потому свои. Вели, государь-батюшка, воротить старыхъ слугъ твоихъ изъ-за моря, а новыхъ отпусти къ намъ назадъ.»

И послалъ Бова гонцовъ во всѣ концы, во всѣ сосѣдніе грады, королевства и царства, чтобъ звать къ себѣ старыхъ слугъ своихъ. И возрадовались весьма старые слуги, побросали пожитки свои, и поскорѣе поѣхали въ свою природную землю на службу своему природному государю. Отпустилъ Бова Ѳому и Пахома и всѣхъ новыхъ служилыхъ людей, а съ старыми послалъ Личарда къ царю Салтану царство его защищать. Когда Личарда пришелъ къ столицѣ Салтановой, непріятель стоялъ уже кругомъ ея и морилъ голодомъ всѣхъ. Личарда побилъ

непріятеля, вошелъ въ городъ, женился на прекрасной Мельчигріи, и сталъ царствовать вмѣсто стараго Салтана.

II.

Мужики Бовы Гвидоновича.

Воротились бояре Бовы сильно на мужиковъ разгнѣванные, и хотѣли отомстить имъ. Собравшись со всей земли, пошли они въ палату короля Бовы и били челомъ ему. «Безъ бояръ и дворянъ своихъ твоему королевскому величеству жить не мочно. Некому грамотку ни прочитать, ни отписать, некому всякую науку и службу исправить, некому царство твое королевское отъ врага боронить. И сами мужики теперь это вѣдаютъ, сами просили воротить насъ назадъ. Безъ мужиковъ же и тебѣ, королю, и намъ, боярамъ, жить мочно. Нѣтъ такой службы королевской, которую безъ нихъ исправить было бы не мочно. А бунтовщики они и мутители великіе; одинъ разъ просятъ одного, другой разъ другого. И пока будутъ они оставаться въ царствѣ твоемъ, не будетъ ему отъ нихъ покоя. Просимъ мы твою королевскую милость, чтобъ насъ пожаловалъ, а мужиковъ отпустилъ бы на всѣ четыре стороны. Тогда миръ и счастіе на вѣки останутся въ королевствѣ твоемъ, и мутить ихъ будетъ некому.»

Разослалъ Бова Гвидоновичъ указы во всѣ концы земли своей, во всѣ губерніи, уѣзды и волости, и крѣпко въ тѣхъ указахъ наказывалъ, чтобъ тотчасъ мужики подымались съ мѣстъ своихъ и уходили прочь, въ чужія государства и земли. А жить ему, королю, и боярамъ его и безъ нихъ, мужиковъ, мочно. Нѣтъ такой службы или науки или чести королевской, которую безъ мужиковъ отправлять не мочно. А суть они мутители великіе, одинъ разъ просятъ того, а другой разъ другого. И не будетъ отъ нихъ покоя въ королевствѣ, пока хоть одинъ изъ нихъ останется. И шли бы потому всѣ прочь.

Почесали мужики въ затылкахъ, собрали пожитки свои и пошли съ котомками на плечахъ во всѣ четыре стороны. Кто пошелъ въ Задонское царство, кто въ армянское, кто во градъ Костелъ къ царю Урилу, а кто въ градъ Датскъ. Не стало у Бовы ни одного мужика въ королевствѣ, остался только чистый народъ, бѣлый. Въ повара къ королю взяли генераловъ, въ кучера бояръ, въ лакеи дворянъ, въ истопники офицеровъ.

На другой день послѣ того пришла къ королю Бовѣ королева Дружневна и, взявши его за бѣлыя руки, такъ ему говорила. «Дражайшій супругъ и король мой Бова Гвидоновичъ! Какого вы повара дали мнѣ, государь мой! никакихъ кушаньевъ готовить онъ не умѣетъ: одно недопечетъ, другое перепечетъ, третье подпалитъ. Хлѣба простого и то испечь не умѣетъ. Велитъ поваренкамъ и сажать, и вынимать хлѣбъ во всѣхъ печахъ по командѣ; а печи разныя и хлѣбъ разный выходитъ. Какъ за столъ

сѣла, такъ и отъ стола отошла, ничего не ѣвши, ничего въ ротъ взять нельзя. Накорми меня, государь, отъ твоего королевскаго обѣда, я совсѣмъ голодна сегодня. И еще дай ты мнѣ, государь и любезный супругъ мой, лакея другого: этотъ всю уху мнѣ на бархатное платье пролилъ». Дражайшій супругъ Бова Гвидоновичъ поцѣловалъ Дружневну въ сахарныя уста и такъ говорилъ: «Иди, королева, супруга моя, въ покои свои, вели себѣ самоваръ подать, сама чай завари, вели купить булку бѣлую, крупичатую, и тѣмъ чаемъ изъ своихъ рукъ напейся, и меня, короля, напои, для того, что и я голоденъ отъ стола всталъ, и лакеи мнѣ весь кафтанъ мой шолковый запакостили». И напились они, король съ королевою, чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ и были сыты до ужина.

На третій день приходитъ къ Бовѣ королевичъ Симбалда и такъ королю говоритъ: «Дай ты мнѣ, государь-батюшка, истопника другого, если вы мою голову бѣдную жаловать изволите. Изморилъ меня чадомъ злодѣй: что ни печка истоплена, то и чадъ, и угаръ. Ломитъ голову отъ самаго чела до маковки, весь день самъ не свой, угорѣлый хожу. Въ строю самымъ лучшимъ офицеромъ былъ, а такой дряни, какъ печку истопить, не смыслитъ». И велѣлъ ему король, Бова Гвидоновичъ, въ своей спальнѣ вмѣстѣ съ нимъ опочивать; у меня-де истопникъ хорошій дался: заморозитъ, но не начадитъ.

На четвертый день пришелъ къ королю старый бояринъ, что въ кучерахъ нынче, и, ударивъ королю челомъ, говорилъ такія рѣчи. «Государь Бова Гвидоновичъ!

не вели казнить, а вели миловать. Пощади ты мою старость старую, изъ кучеровъ меня отпусти. Не мочно мнѣ ни на козлы, ни съ козелъ слѣзть. А сидѣть и еще мудренѣе: что ни сяду, то и упаду. Да и кони у твоей королевской милости лихіе: ни сдержать, ни управить ими не можно. Изволь послать меня, государь, въ повара или куда приказать изволите; но только конюхомъ не въ моготу мнѣ.» Приказалъ ему Бова конюхомъ не быть, а быть поваромъ у Дружневны; повара же Дружневнина взять въ кучера.

И пришло время страдное. Хлѣбъ поспѣлъ, да собирать некому; некому ни жать, ни косить, ни въ скирды наваливать. Такъ и сгнилъ весь хлѣбъ на корню. А и нечѣмъ стало скотину кормить, и стала скотина падать. А которая не падетъ, некому ее ни бить, ни лупить, ни въ городы везти. Не стало у короля ни булки бѣлой пшеничной, ни хлѣба чорнаго ржаного, ни мяса и говядины. Напали тогда всѣ, какъ вороны, на лавки купецкія, на пряники, на яблоки сушеныя, на изюмъ, на сласти разныя, и въ одинъ день все переѣли. Послали за хлѣбомъ за море; да за моремъ телушка полушка, а рубль перевозъ. Богатымъ достало, на бѣдныхъ и на солдатъ не хватило. Купцы богатѣли, бояре тощали. Послали другой разъ на счетъ казны королевской, да рѣки замерзли; везти нельзя. А скоро и казна та королевская вся опустѣла: не съ кого подати брать, не съ кого и казну собирать. И насталъ въ землѣ голодъ великій, и моръ, и падежъ. Перемерли и всѣ солдатики у Сумбалда, а набрать больше не откудова. Всѣ грамоты отчитаны

и отписаны, всѣ полы въ королевскихъ палатахъ неза-
смокраны, да только животики у бояръ подтянуты: на
брюхѣ шолкъ, да въ брюхѣ шолкъ. Всѣ артикулы во-
инскіе вѣдомы, всѣ хитрости ратныя знаемы; да только
борониться отъ непріятеля не кѣмъ.

Повалились тогда въ ноги королю Бовѣ Гвидонови-
чу всѣ князья, бояре, царедворцы и дворяне; повалясь,
просили мужиковъ воротить. Что и честь, коли нечем
ѣсть. Разослалъ король Бова гонцовъ во всѣ концы, во
всѣ земли сосѣднія, и велѣлъ имъ трубить кличь вели-
кій, велѣлъ звать своихъ мужиковъ домой, обѣщалъ ихъ
пожаловать. Привалили мужичье тѣ назадъ, съ котомками
за плечами. А въ котомкахъ тѣхъ по мѣшку хлѣба, а
подъ котомками по спинѣ неустанной, а у спины по двѣ
руки дюжихъ. И стали они просить себѣ ружья отъ всей
арміи и порохъ изъ всѣхъ кладовыхъ, и всю дичь въ
въ лѣсахъ перестрѣляли. На весну стали неводы заки-
дывать, стали рыбу ловить, и всю рыбу въ рѣкахъ пе-
реловили. А на лѣто, посѣявши хлѣбъ, стали котомки
свои развязывать, и тѣмъ хлѣбомъ и себя, и бояръ до
новаго хлѣба прокормили. И настало въ царствѣ Бовы
опять веселіе и сытость; и деньги въ казну опять по-
текли, и бархатныя платья опять не замаслены, и бо-
ярскія головы опять не угорѣлыя. И сталъ съ тѣхъ
поръ вѣчный миръ между боярами и мужиками. А доб-
рый король Бова радовался не нарадовался.

III.

Купцы и ярыжки Бовы Гвидоновича.

Мужики—нужные люди! говорили бояре. Бояре—нужные люди! говорили мужики. А ненужные люди на свѣтѣ одни только купцы да ярыжники. Мужикъ хлѣба нароститъ, а купецъ довезетъ его до бояръ, и за то деньги беретъ. А повези тотъ хлѣбъ самъ мужикъ, и тѣ деньги ему самому бы пошли. Такъ разсуждали про себя мужики. Купцы лишніе люди на свѣтѣ: у мужика хлѣбъ дешевъ; а когда довезетъ его купецъ до бояръ, хлѣбъ станетъ дорогъ, и тогда много казны боярской на него уходитъ. Такъ разсуждали промежь себя бояре. Купцы лютые люди! они богатѣютъ съ чужого горя: людямъ голодъ и моръ, а имъ купцамъ нажива; людямъ сытость, а имъ купцамъ наживы нѣтъ. Такъ говорили крестьянамъ бояре. Купцы лихіе люди! Не сѣютъ, ни жнутъ, какъ крестьяне, а въ житницы побольше того собираютъ. Такъ говорили боярамъ крестьяне. А ярыжки еще пущіе злодѣи: боярину оброкъ соберутъ, а себѣ и съ бояръ, и съ крестьянъ возьмутъ: съ бояръ жалованье, съ крестьянъ могарычъ. А то жалованье и тотъ могорычъ остались бы у крестьянъ и бояръ, еслибъ ярыжекъ не было, и сами бы крестьяне оброкъ собирали. Король ярыжкамъ велитъ войско набрать, и за это жалованье имъ платитъ; а ярыжки и жалованье возьмутъ, и съ крестьянъ взятку возьмутъ. А безъ нихъ то жалованье осталось бы въ казнѣ, а та взятка — въ мошнѣ крестьянской. А рекрутъ безъ нихъ

и сами бы крестьяне набрали и поставили. Такъ говорил
въ одинъ голосъ и бояре, и мужики антоновскіе. И согла
сились бояре съ крестьянами, а крестьяне съ боярам
купцовъ и ярыжекъ изъ королевства выжить. Ударил
челомъ королю всѣ вмѣстѣ и стали просить его выслат
купцовъ и ярыжекъ прочь. А тогда будетъ всѣмъ лучше
Вся корысть и казна купецкая и ярыжническая къ кресть
янамъ да къ боярамъ тогда перейдетъ или въ казнѣ коро
левской останется. Боярамъ хлѣбъ будетъ дешевле, а
крестьянъ будетъ больше денегъ на подати, для казн
королевской. Королю войско и всякая служба будетъ,
крестьянамъ не будетъ обиды. А всѣ грамотки будут
отчитаны и отписаны и безъ нихъ; всѣ поля будутъ
безъ нихъ засѣяны и убраны. Отпусти ихъ, государь
батюшка, на чужую сторону. Своего дѣла они никакого
не дѣлаютъ, а за чужое дѣло корысть большую получаютъ
Пусть они, дармоѣды, объѣдаютъ чужую сторону, а н
нашу. Позвалъ Бова купцовъ и ярыжекъ къ себѣ и ска
залъ имъ, что своего дѣла никакого они не дѣлаютъ,
за чужое корысть большую получаютъ. И шли бы они
дармоѣды, въ чужую сторону чужихъ людей объѣдать
Ухватились купцы тѣ за пузы свои, а ярыжки за голов
и воздыхали воздыханіемъ великимъ; но дѣлать нечег
надобно идти. Набилъ туго мошну свою купчина; ту
наѣлся ярыжка дней на пять, на шесть; и поѣхали он
одинъ за другимъ въ чужую сторону, въ задонскую, в
градъ Суминъ, въ Рагильское царство, и въ другія. Н
осталось во градѣ Антонѣ ни одного купца, ни одно
ярыжки.

Выслали крестьяне по одному молодцу отъ каждой семьи во градъ Антонъ на службу ратную, — и цѣлое воинство какъ изъ земли выросло. До тѣхъ поръ были только генералы да офицеры, а солдаты были всѣ перемерши. Радуется король Бова, радуется и Симбалдъ королевичъ. Теперь непріятель не придетъ; а придетъ,—никого даромъ не устрѣлитъ: есть кому за градъ Антонъ и за все королевство антонское постоять грудью. И дѣлаетъ королевичъ Симбалда смотръ своимъ новобранцамъ. Но какое жъ тутъ диво случилось. Что ни взглянетъ королевичъ на солдата, то или кривой, или хромой, или съ грыжею, или росту малаго, или силы слабой, и нельзя имъ совсѣмъ ратнаго дѣла отправлять. Цѣлую половину воинства отослалъ Симбалда по домамъ; и выпросилъ онъ у короля королевскій указъ, чтобъ послать царедворцевъ и лекарей добрать другую половину безъ изъяна. Наѣхали царедворцы и лекари придворные, и стали они другую половину добирать безъ изъяна. На половину поставили мужики имъ новыхъ рекрутъ, на половину отдали тѣхъ же да только съ могарычемъ въ добавокъ. А могарычъ вышелъ не въ примѣръ больше прежняго: гдѣ ярыжка обходился рублемъ, тамъ стало нынче два и три; гдѣ ярыжка ладилъ по чести, тамъ нынѣшніе гости ломаются и слушать не хотятъ. Почесали мужики въ затылкахъ, да нечего дѣлать, заплатили по два вмѣсто одного, и проводили гостей съ честью.

Кончился наборъ, пришлось каждому хозяину хлѣбъ въ столицу везти на продажу, на большой заработокъ. Да бѣда тутъ случилась такая. У Ивана работника нѣтъ,

въ солдаты ушелъ; у Петра и работникъ есть да телѣги нѣтъ лишней и лишней лошади; у Сидора есть и телѣга, и лошадь, и работникъ, да нельзя имъ изъ дому отлучиться; Пахому и отлучиться бы можно, да некому хлѣбъ молотить дома; у Антипа есть кому хлѣбъ молотить, да кормиться въ дорогѣ не чѣмъ. А тутъ кругомъ обступили кулаки да міроѣды, хорошія цѣны даютъ на мѣстѣ, и обѣщаютъ подати заплатить. И стали Иваны, Петры, Сидоры и Антипы хлѣбъ продавать міроѣдамъ; а въ городъ поѣхали двое или трое. Поѣхали, поиздержались въ дорогѣ, набавили провозъ на хлѣбъ, и вышло, что цѣна у нихъ стала выше чѣмъ у тѣхъ міроѣдовъ. Что хозяева на двухъ лошадяхъ везли, то міроѣдъ везъ на одной, и обошлась ему дорога дешевле. Не покупаетъ никто хлѣба у хозяевъ, а покупаютъ у кулаковъ, у скупщиковъ. Подумали-подумали мужики да и пустили хлѣбъ свой по той же цѣнѣ что у міроѣдовъ, и не окупилась имъ дорога и извозъ. Почесали опять въ затылкахъ, и воротились домой; а воротясь барышами не хвастались. На слѣдующій годъ перестали ѣздить и тѣ, а стали ѣздить одни міроѣды. И народились такимъ манеромъ новые купцы, новые лишніе люди на свѣтѣ.

Но, народившись вмѣсто купцовъ, міроѣды ничѣмъ больше не торговали какъ хлѣбомъ. Иной скупалъ и продавалъ еще деготь, сало, скотину, пряники; а винъ заморскихъ, а камней самоцвѣтныхъ, а бисеровъ, шелковъ, бархатовъ, парчей не знали гдѣ и достать, и какъ подступиться, и никакого толку въ томъ не знали. Не во что стало одѣваться боярамъ, не чѣмъ хлѣбъ соль запи-

вать, свадьбы праздновать, гостей встрѣчать и провожать. Призадумался и самъ король, и королева, и королевичъ, да не хотѣли боярамъ своимъ и крестьянамъ перечить: ихъ дескать больше чѣмъ насъ; какъ захотѣли, такъ и пусть живутъ. Не долго же ждалъ Бова, какъ пришли къ нему и отъ бояръ, и отъ крестьянъ съ челобитьемъ, чтобъ купцовъ и ярыжекъ назадъ воротить, и никого больше изъ царства антонскаго не выгонять, и чтобъ всѣ тамъ оставались по старому, гдѣ кто былъ и какъ. Разгнѣвался Бова Гвидоновичъ на крестьянъ и на бояръ своихъ, и говорилъ имъ таковы рѣчи. Всѣ вы мятежники и бунтовщики презлые. Одни у меня были вѣрные подданные, купцы да ярыжки, вы и тѣхъ со свѣта сжили, и сами теперь просите воротить ихъ. Воротить-ворочу, но чтобъ вы не смѣли мнѣ и заикаться больше о томъ, кому жить въ королевствѣ и кому не жить, кому оставаться, кому уходить. Кто гдѣ родился, тамъ и живи, и чтобъ всякому вольно было умирать, гдѣ кто родился. А купцовъ я пожалую великою милостью, вамъ же всѣмъ объявляю гнѣвъ мой и опалу на семь дней и на семь ночей.

Воротилъ государь Бова Гвидоновичъ вѣрныхъ купцовъ своихъ и ярыжекъ, и семь дней и семь ночей съ ними ѣлъ и пилъ, съ ними пировалъ, а бояръ и мужиковъ на глаза къ себѣ не пускалъ ни одного. И отпуская купцовъ и ярыжекъ, сказалъ имъ, что жалуетъ ихъ великою милостью, и всякую просьбу, съ какою придутъ, исполнитъ, не слушая ни дворянъ, ни крестьянъ непо-

корныхъ. Возрадовались купцы и ярыжки и пошли веселые по домамъ своимъ.

IV.

Зѣмли во градѣ Антонѣ.

Посовѣтовавшись промежъ себя, купцы и ярыжки били челомъ королю, чтобъ всѣ земли боярскія имъ отдать. Боярамъ, говорили купцы, идетъ изъ казны жалованье, а намъ, купцамъ, жалованья отъ казны никакого нѣтъ; а гильдію въ казну купцы платятъ, бояре же никакой гильдіи не платятъ въ казну. И для того отдалъ бы имъ Бова король земли боярскія, съ которыхъ они, купцы, будутъ гильдію платить; а боярамъ жить можно и жалованьемъ ихъ, и съ него ничего въ казну не вносить имъ. Бояре, говорили ярыжки, берутъ изъ казны жалованье великое, и имъ можно жить однимъ жалованьемъ безъ посуловъ и взятокъ; а намъ, ярыжкамъ, жалованье-де бѣдное, и никакъ не можно жить безъ обиды мужикамъ. И для того отдалъ бы имъ Бова король земли боярскія, купцамъ тѣ, что покрупнѣе, ярыжкамъ тѣ, что помельче. Уважилъ король Бова разумныя рѣчи, и слово свое исполнилъ. Отдалъ онъ всѣ земли боярскія купцамъ да ярыжкамъ; купцамъ — крупныя земли, ярыжкамъ — мелкія.

Прошелъ мѣсяцъ, и другой, и третій, а на четвертый принесли къ королю одну тысячу и сто челобитныхъ отъ бояръ, чтобъ всѣхъ ихъ въ купцы отпустить; а отъ купцовъ и ярыжекъ принесли одну тысячу и сто прошеній, чтобъ всѣхъ ихъ въ бояре перечислить. Король и самъ тому много радовался, для того что̀ бояре отъ службы королевской стали отлынивать, стали больше помышлять о пожиткахъ своихъ, какъ бы обзавестись имъ получше, да о дѣтяхъ, какъ бы ихъ по міру не пустить, если служить не смогутъ. А купцамъ теперь заботы этой нѣтъ, у нихъ есть и дома, и земли, и капиталы, и того для будутъ служить они исправнѣе, ни о чемъ о другомъ кромѣ службы не помышляя. Уважилъ Бова король челобитныя, бояръ отпустилъ, а купцовъ и ярыжекъ взялъ къ себѣ. И стали они боярами, царедворцами, министрами и дворянами, а бывшіе бояре, царедворцы, министры и дворяне стали купцами, торговлю завели. Открылъ табачную лавочку и Тервезъ, пустился въ подряды и Огенъ. По нѣкоторомъ времени видитъ Бова, что ничто въ его царствѣ не перемѣнилось: бояре опять стали съ землями, какъ было прежде, а купцы опять остались съ одними деньгами по прежнему. А купцовъ обѣщалъ я жаловать, и кого же мнѣ теперь жаловать, не знаю: прежнихъ ли купцовъ, новыхъ ли. И если придутъ купцы новые съ челобитною, и скажутъ, что они гильдію платятъ, а жалованья имъ нѣтъ, нѣтъ и земель, то не знаю, какъ мнѣ быть съ ними. Такъ разговаривалъ съ королевичемъ Симбалдою король Бова. И отвѣчалъ ему съ почтеніемъ королевичъ Симбалда. Не совсѣмъ по прежне-

му стало все въ королевствѣ. По прежнему стали земли и капиталы, да не по прежнему стала служба королевская и торговля купецкая. Купцы и ярыжки къ службѣ вашей королевской не привычны, а старые бояре совсѣмъ непривычны къ торговлѣ. Оттого одни служатъ плохо, а другіе плохо торгуютъ. А пока научатся, пройдутъ многіе годы, и будетъ много изъяну и службѣ, и торгу. И для того изволилъ бы ты, государь, по прежнимъ мѣстамъ всѣхъ поставить. На такія рѣчи Бова задумался, и не зналъ, какъ ему быть. И вспомнилъ онъ тутъ, какъ отъ царя Салтана грамотка была купцами читана, и тотчасъ же велѣлъ всѣмъ на прежнихъ мѣстахъ быть, и по прежнему земли и капиталы держать: старымъ боярамъ—земли, старымъ купцамъ—капиталы. Боярамъ съ земель ничего не платить, а купцамъ съ торговли платить гильдію. И стало все по прежнему, какъ будто ничего не бывало.

V.

Капиталы во градѣ Антонѣ.

Ободрились тогда крестьяне, что король пересталъ купцовъ жаловать, и стали просить себѣ, чтобъ имъ капиталы отъ купцовъ отдать. Они-де, крестьяна, къ купецкому дѣлу обычны, не такъ какъ бояра; необычны

къ службѣ государевой, а къ торговому дѣлу весьма обычны. Много есть и теперь промежъ ними и подрядчиковъ, и торговыхъ людей, и лабазниковъ, и цаловальниковъ. И такъ службу эту справлять имъ мочно. А не мочно терпѣть того, что имъ, крестьянамъ, нѣтъ ни счету, ни числа, и денегъ на нихъ приходится меньше; купцамъ же и счетъ и число есть малое, а денегъ у нихъ больше, и всѣ капиталы тамъ посажены. Не рѣшился сразу Бова мужицкую просьбу уважить и позвалъ къ себѣ королеву Дружневну, королевича Симбалду, и Тервеза, и Огена на великій совѣтъ. Королева Дружневна держала руку крестьянъ, и королевичъ тожъ, министръ Тервезъ держалъ руку купцовъ, и Огенъ тожъ. И не могши они согласиться, король такъ повелѣлъ: много уже надѣлано пробъ въ королевствѣ, а такой пробы еще не было. Пусть будетъ по мужичьему желанію, а что Богъ дастъ, увидимъ. И приказано всѣ капиталы купецкіе изъ банковъ, изъ сохранныхъ казенъ, изъ росту, изъ подъ-векселей вынуть, всѣ счетомъ переписать, и всѣ мужикамъ раздать. Загуляли люди божіи, завеселились, отъ кабаковъ отбою нѣтъ, и только тогда пить перестали, когда вина въ винокурняхъ не стало. Нашлись, однакоже, и такіе, что вмѣсто гульбы кабаки на купецкія деньги открыли; нашлись другіе, что винокурни новыя на нихъ построили; нашлись третьи, что въ подряды и во всякіе обороты деньжонки свои пустили. И разбогатѣли кабатчики, винокурщики и подрядчики такъ, какъ прежде и купцы не богатѣли; открыли они разныя другія торговли и вмѣсто прежнихъ купцовъ стали новые. А старые пошли на ихъ

мѣсто и стали либо землю пахать, либо кабаки заводить. И видитъ Бова, что опять ничего не перемѣнилось, опять все стало по прежнему; только люди перемѣнились, и гдѣ прежде стоялъ Иванъ, тамъ сталъ теперь Сидоръ. Но купцами все таки стали богатые, а мужиками все таки стали бѣдные. Тогда отдалъ Бова приказъ по всему королевству, чтобъ отъ новыхъ купцовъ отобрать столько, сколько у старыхъ взято, и по спискамъ что у кого взято, тому и воротить. Сказано-сдѣлано, и пошло все опять по прежнему, какъ будто ничего и не бывало. Пересталъ тогда Бова пробы пробовать, и своихъ подданныхъ слушать. Каждому-де хочется на чужое мѣсто стать, а станетъ на чужое, и опять выходитъ то же самое. Ни корысти, ни выгоды отъ того королевству, а только смущеніе и тревога напрасная. Отнынѣ самъ буду судить и рядить, гдѣ и что кому нужно, и никого спрашивать не буду. И отдалъ приказъ, чтобъ никто ничего не просилъ и не докучалъ больше. А будетъ онъ самъ, король, всѣмъ отецъ, покровитель и заступникъ.

VI.

Работы во градѣ Антонѣ.

Однихъ только работъ крестьянскихъ никто себѣ не просилъ, и никто не завидовалъ имъ. Купцы просили

земель боярскихъ, мужики просили капиталовъ купецкихъ, а работъ крестьянскихъ ни купцы, ни бояре не просили. И такъ оставались они во все царствованіе Бовы на всемъ королевствѣ антонскомъ безъ всякой перемѣны. И пришло на мысль королю Бовѣ Гвидоновичу, отъ чего это никто работъ крестьянскихъ себѣ не просилъ и челомъ о томъ не билъ? Видно-де всякого чину и всякаго званія людямъ живется на свѣтѣ лучше, чѣмъ чину и званію мужицкому. И далъ онъ себѣ съ тѣхъ поръ слово жаловать пуще всего мужиковъ, только бы жаловать по своей, а не по глупой мужицкой волѣ, и по своему, а не по глупому мужицкому разуму. Для того сталъ Бова думать великую думу, какъ бы мужицкому горю пособить. Выгонялъ я и бояръ, и купцовъ изъ королевства, отбиралъ я и земли боярскія, и капиталы купецкіе, а все мужикамъ горе. И какъ ему пособить, они и сами не знаютъ.

Съ тяжкою думою въ головѣ и съ глубокой заботою въ сердцѣ легъ Бова спать. И вотъ снится ему сонъ. Снится ему рѣка широкая, и въ ней рыбы многое множество. И видитъ онъ: большая рыба мечетъ малую икру, малая рыба мечетъ большую икру, а средняя рыба мечетъ среднюю икру. И ту икру потомъ на подносахъ разносятъ и ѣдятъ ее; а въ икрѣ той отъ большой рыбы одна ложка, отъ средней двѣ, отъ малой три. И видитъ онъ опять: плаваютъ рыбы большія, среднія и малыя. Среднюю рыбу ѣдятъ только большія, а малую ѣдятъ и большія, и среднія. Подплыли къ нему малыя рыбки къ самому берегу и стоятъ передъ нимъ, и смо-

трятъ на него жалобно. Почто такъ жалобно смотрите, малыя рыбки? спрашивалъ ихъ Бова. Отвѣчали они ему голосомъ человѣчьимъ и молвили такъ: какъ же намъ не смотрѣть жалобно, когда и люди, и рыбы ѣдятъ насъ больше всего: и насъ, и потомство наше они пожираютъ, и кормимъ мы ихъ больше чѣмъ рыбы большія и среднія. А какъ тому горю пособить, и сами того не знаемъ, и короля у насъ для того нѣту. Проснулся Бова весь въ потѣ и въ трепетѣ, провелъ рукою по лбу, и самъ къ себѣ молвилъ: сонъ въ руку! На утро, поскорѣе одѣвшись, напился чаю и позвалъ на совѣтъ Дружневну, Симбалду, Тервеза и Огена. Когда пришли они, разсказалъ имъ свой вѣщій сонъ, и спрашивалъ, что онъ такое значитъ. Никто ничего не могъ говорить, ни Симбалда, ни Тервезъ, ни Огенъ, а могла говорить только вѣщая королева Дружневна, и сказала она такъ. Вашихъ дѣлъ королевскихъ я, государь мой, не знаю, и съ-млада обучена имъ не была. А чуетъ мое вѣщее сердце, что большія рыбы—это бояре; среднія рыбы—это купцы да ярыжки; малыя рыбы — это мужики. Малая икра — это малая подать, средняя икра—средняя подать, большая икра—большая подать. Бояре ничего не платятъ въ казну ни съ земель, ни съ душъ своихъ; купцы платятъ въ казну съ своего торга, кто первую, кто вторую гильдію и какъ у кого торгъ идетъ; а крестьяне платятъ и съ земель, и съ душъ своихъ, все равно какая-бъ душа ни была, добрая или худая. Того ради съ большой рыбы самая малая икра въ казну идетъ и на подносахъ разносится, съ средней—средняя, а съ малой—самая великая,—

три ложки. И отъ того горе и жалость бываетъ. Сказавши такъ, королева Дружневна поцаловала короля въ плечо, а король ее въ щеку. И просіялъ Бова радостью великою, и обѣщалъ сдѣлать такъ, какъ Дружневна сказала.

VII.

Аренды, проценты и заработки въ королевствѣ антонскомъ.

Три дня и три ночи въ канцеляріяхъ писали, и на четвертый день написали манифестъ ко всей антонской землѣ, ко всему антонскому народу. Вышелъ манифестъ, прочитался въ церквахъ, и услышали люди такой указъ. Чтобъ тяготы уравнять между всѣми подданными, и чтобъ всѣ пособляли казнѣ по достатку своему, король Бова Гвидоновичъ приказывалъ: на бояръ подать надбавить побольше, на купцовъ надбавить поменьше, а съ крестьянъ сбавить. Тогда и мѣстовъ мѣнять никому не нужно, и земель и капиталовъ переводить не надо, и высылать изъ царства никого не потребно, а мужикамъ будетъ легче, казнѣ же не будетъ обидно: что потеряла на мужикахъ, доберетъ на боярахъ. Боярамъ же необидно за тѣмъ, что за такую большую подать закрѣплялись за ними на вѣки ихъ земли и честь ихъ. Куп-

цамъ необидно, потому что за великую гильдію навѣки закрѣплялась за ними торговля. Повалили мужики изъ церквей, крестясь и молясь за короля своего Бову Гвидоновича, чтобъ далъ Богъ ему долгій вѣкъ и здоровье, на вѣки нерушимое. А помолившись, пошли въ кабакъ и пропили тамъ послѣднюю копѣйку за его здоровье: благо-де, податей нынче меньше; и что прежде въ казну неслось, можно теперь въ кабакъ снести.

Прошелъ годъ, другой и третій, а на четвертый, опять таки плачутся мужики на бѣдность, опять таки жалуются на горькую долю свою. Разсердился Бова на родъ неугомонный, и посовѣтовавшись съ Тервезомъ и съ Огеномъ, послалъ комиссаровъ строго разслѣдовать, кто такой есть бунтовщикъ между ними и кто такой мутитъ ихъ. А если бунтовщика нѣтъ, то разузнать, какая есть всему тому другая причина. Наѣхали комисары, разсыпались по селамъ, стали дознанья чинить. Но бунтовщика нигдѣ не открылось, народъ былъ все тихій и смирный. И стали тогда комисары допрашивать, сколько съ души платятъ въ казну. Отвѣчали имъ: рубль. — А прежде сколько платили? Отвѣчали, что три.—Куда же дѣвались лишніе рубли, и другой, и третій? въ кабакъ?—Грѣха нечего таить! въ кабакъ точно таки пошло по алтыну по другому съ рубля, но самъ-то рубль другую дорогу себѣ нашелъ.—Какую же?—А такую, что пошолъ за наемъ земли у боярина.—Да вѣдь онъ и прежде шелъ туда же, до манифеста.—Шелъ-то, шелъ, да тогда шелъ холостой, а теперь въ парѣ. До манифеста платили за десятину рубль, а теперь два. До манифеста бояре по-

датей не платили, а когда стали платить, то и набавили аренду, чтобъ было чѣмъ платить подать.—Пусть, такъ! а третій же рубль гдѣ? — Третій у купца, за товаръ. Что стоило у купца до манифеста рубль, то теперь стоитъ два. До манифеста купецъ меньшую гильдію платилъ, а теперь платитъ большую; такъ надо ему наверстать на барышѣ. Прежде бралъ десять процентовъ барыша, теперь накинулъ одинадцатый. Туда нашъ третій рубль и ушелъ.— Развели коммисары руками, и сами не знали, что сказать. И бѣда есть, и виноватаго нѣту. Ну, сказали они, такъ можетъ быть заработокъ вашъ увеличился?! расходъ тотъ же, да приходъ, можетъ быть, сталъ больше! — Откуда же ему увеличиться? что прежде заработывали, то и теперь. Куда тутъ ему увеличиваться! норовятъ еще посбавить цѣну за рабочій день; говорятъ: вы теперь безподушные, неподатные, на что-де вамъ деньги?—Постояли коммисары, подумали, стряхнули плечами и поѣхали назадъ. Пріѣхавши, доложили, что бунтовщика между крестьянами нѣту, а доля уже ихъ такая крестьянская. Прежде три рубля съ души несли они въ казну своими руками, а теперь своими руками несутъ только одинъ, другой же несутъ руками боярскими, а третій несутъ купецкими руками. А больше никакой измѣны нѣтъ, только эта одна и есть измѣна. Долго смотрѣлъ имъ король Бова въ очи, ничего не говоря устами; смотрѣлъ-смотрѣлъ, да такъ молча и отпустилъ, не сказавъ ни слова. Долго потомъ шагалъ онъ по горницѣ, изъ угла въ уголъ, заложа руки назадъ и опустивъ голову внизъ. Три дня, три ночи не ѣлъ король и не спалъ, а все ду-

му думалъ, кручиной кручинился. На четвертый день надумался, сталъ ѣсть и сталъ пить, и на мягкую постель спать легъ.

VIII.

Пиллигримъ Бовы Королевича.

Проснувшись, Бова Гвидоновичъ объявилъ волю свою. Недоля крестьянская оттуда идетъ, что заработокъ малый. Будь большой заработокъ, не тяжка была бы и трехрублевая подать; а съ малымъ заработкомъ тяжка и рублевая. И кто скажетъ, чѣмъ заработокъ поднять, тотъ и крестьянскому горю пособитъ. Того ради велѣлъ Бова кличь кликать на все королевство и звать такого мудраго человѣка, кудесника или волхва, который бы разгадалъ эту загадку. И за то великая награда обѣщана.

Вызвалось трое мудрыхъ людей: одинъ, другой и третій. Первый говорилъ: надо крестьянъ поуменьшить въ королевствѣ; однихъ послать на войну, чтобъ ихъ по части перестрѣляли, другихъ не женить, чтобъ не плодились, а третьихъ выселить изъ королевства, чтобъ рукъ поменьше стало. И когда рукъ станетъ меньше, тогда станутъ онѣ дороже. Работникъ всякому нуженъ; а будетъ мало работниковъ,—и всякій станетъ отбивать ихъ

у другого и переплачивать имъ. Такимъ родомъ заработокъ ихъ и подымется.—Не согласился на то Бова: паи будутъ тогда больше, да самыхъ паевъ будетъ меньше; и оттого ни прибыли, ни убытка, ни казнѣ, ни крестьянамъ. А и душу христіанскую губить, для того чтобъ спасти другую, не приходится.

Вышелъ тогда другой разумникъ, и такъ королю говорилъ. Строить большія палаты надо: палату королю, палату королевѣ, палату королевичу. Мосты всякіе строить, дороги и гати гатить. И тогда рабочіе будутъ нужны, хоть ихъ и много; и пай каждаго будетъ большой, и паевъ будетъ не мало. Къ тому же вельможамъ побольше ѣсть и пить, чтобъ хлѣбъ былъ дороже, и чтобъ больше его у крестьянъ покупалось; держать также побольше лошадей и скота, чтобъ стояли высокія цѣны на сѣно, на овесъ, на солому.—Выслушалъ Бова пристально и эту рѣчь, но и на эту махнулъ рукою. Ѣства и питье бываетъ не по указу, а по животу. И чтожъ дѣлать послѣ, когда всѣ мосты и палаты выстроены?..

Всталъ третій волхвъ и повелъ такую рѣчь. Заработокъ либо увеличивается, либо уменьшается съ двухъ концовъ, а не съ одного. Не съ прихода только онъ увеличивается, а также и съ расхода. Приходъ будетъ тотъ же, а расходъ станетъ меньше,—и въ мошнѣ у крестьянина больше остатокъ. А расходу напраснаго чинитъ крестьянинъ не мало. Первый напрасный расходъ — въ кабакъ, два или три алтына на каждый рубль, у иного и цѣлая полтина. Другой напрасный расходъ—злая жена, нехозяйственная, и глупые, небережливые дѣти. А

мужикъ самъ виноватъ злой женѣ и глупымъ дѣтямъ. Напившись, заколотитъ бабу, и баба озлится. Напившись, заколотитъ ребятъ, и ребята у него пришиблены. Злая баба и пришибленные ребята не помощь въ хозяйствѣ. Не будь кабака,—былъ бы миръ и любовь въ семействѣ, будь миръ и любовь въ семействѣ,—и половины расхода крестьянскаго какъ не бывало, а вся она пошла бы въ приходъ, и тѣмъ заработокъ крестьянскій вышелъ бы больше.

Полюбилась Бовѣ рѣчь, и задумался онъ надъ нею. Жаль только, что привести къ дѣлу ее не мочно. Указомъ королевскимъ не мочно сдѣлать человѣка ни трезвымъ, ни добрымъ.

Такъ и отпустилъ Бова волхвовъ, наградивши ихъ за добрую волю; но порѣшить съ ними ничего не порѣшилъ. И пошелъ онъ въ дѣдовскій садъ свой кручину развѣять. Шелъ, шелъ, и въ самые сумерки дошелъ до густой рощи. Вдругъ видитъ: на встрѣчу ему идетъ старикъ и пристально смотритъ на него. Бова остановился и самъ на него смотритъ: гдѣ-то видѣлъ старца, а гдѣ и самъ не знаетъ. Кто ты старче? спросилъ онъ.—Пилигримъ, отвѣчалъ старецъ. — Не тотъ ли самый, что унесъ у меня мечь-кладенецъ и увелъ коня богатырскаго? — Тотъ самый, что унесъ у тебя мечь-кладенецъ и увелъ коня богатырскаго. — Не тотъ ли, что далъ мнѣ потомъ три зелья: одно бѣлое, молодитъ, другое чорное, старитъ, а третье сѣрое, усыпляетъ?—Тотъ самый, что далъ тебѣ три зелья: бѣлое молодитъ, чорное старитъ, сѣрое усыпляетъ. — Сослужи-жъ мнѣ, старче, еще одну

службу, а награжденіе тебѣ положу я великое: я нынче сталъ король, а не королевичъ.—Знаю, славный витязь Бова Гвидоновичъ, что ты сталъ теперь король, а не королевичъ, знаю и заботу твою лютую; знаю, и чѣмъ горю твоему помочь. А награжденія мнѣ отъ тебя не надо; обѣщай только просьбу мою исполнить. Обѣщалъ Бова, и пиллигримъ такъ ему вѣщалъ. Забота у тебя есть, чтобы мужицкому горю пособить и заработки ихъ поправить. Не отъ пьянства мужикъ бѣду терпитъ, не отъ жены и дѣтей, не оттого, что бояре мало пьютъ и ѣдятъ, не оттого что палатъ мало строится, не оттого что войнъ и всякаго убійства на землѣ мало, а отъ собственнаго неразумія своего. Разумный и трезвымъ будетъ, и жену доведетъ до добра, и дѣтей доведетъ до разума, и работу себѣ найдетъ, и хлѣбъ свой хорошо продастъ. Разумныхъ крестьянъ не надо ни на войну посылать, чтобъ ихъ по части перестрѣляли, ни холостыми держать, чтобъ не плодились, ни выселять за море, чтобъ меньше мужицкихъ рукъ оставалось, и чтобъ мужицкія руки стали дороже: разумные найдутъ себѣ и другую дорогу, а нашедши себѣ, и другимъ ее не заступятъ. Сдѣлай же ты ихъ, король, разумными, а вся остальная приложатся имъ. Самые разумные изъ нихъ то и дѣло будутъ тогда выходить изъ крестьянъ прочь, либо въ ярыжки, либо въ купцы, либо въ дворяне, царедворцы и бояре, а чрезъ то и имъ будетъ лучше, и всей братіи ихъ. Тѣ, что уйдутъ, будутъ получать заработокъ по разуму, ярыжническій, купеческій, дворянскій, боярскій; тѣ, что останутся въ крестьянствѣ, будутъ получать заработокъ по

рукамъ: а рукъ то и дѣло будетъ меньше, какъ бы онѣ ни плодились, и будутъ онѣ чрезъ то дороже. Тѣ, что каждый день будутъ уходить изъ крестьянства по десятку, по дюжинѣ, будутъ каждый день строить по десятку, по дюжинѣ домовъ, палатъ, мостовъ, гатей и всего этого никогда имъ не перестроить, затѣмъ что сами каждый годъ подбавляются. Тѣ что уйдутъ будутъ покупать и лишнее питье и лишнюю ѣству, и лошадей лишнихъ заведутъ, и лишнюю скотину откормятъ. А всѣмъ этимъ руки крестьянскія опять дорожаютъ, и заработокъ ростетъ. Съ добрымъ же заработкомъ и въ кабакъ меньше тянетъ, за тѣмъ что есть что беречь, есть что копить. А безъ кабака крестьянинъ и самъ по себѣ добрѣе, и жену свою до добра доведетъ; безъ кабака крестьянинъ и самъ разумнѣе, и дѣтей своихъ доведетъ до ума-разума.

— О, старче! великую ты кручину снялъ съ моего сердца; да еще большую снялъ бы, еслибъ сказалъ, чѣмъ и какъ довести мужика до разума.—Чѣмъ и какъ? а чѣмъ и какъ дошли до разума ярыжки, купцы, дворяне, царедворцы, министры, бояре твои?—Сердце трепещетъ отъ радости, но самъ себѣ отъ радости не вѣрю. Скажи ты самъ, старче, своими устами, чѣмъ и какъ довести крестьянъ до ума-разума?— Слушай, скажу. — Слушаю, старче, говори.—А награжденіе?—Все, чего захочешь.—Въ награжденіе исполни послѣднее слово мое, какое скажу.—Исполню, исполню.—Поклянись!—Клянусь, да только говори поскорѣе, чѣмъ и какъ до ума-разума крестьянъ довести? — Ученьемъ, школою. И старикъ исчезъ, не стало его видно, какъ ни искалъ его Бова глазами и руками.

IX.

Смерть Бовы Гвидоновича.

Прибѣжавши въ палаты королевскія, Бова созвалъ министровъ своихъ и дьяковъ, и подъячихъ, и приказалъ имъ скоро-на-скоро указы во всѣ концы писать, указы о томъ, чтобъ во всякой волости, во всякой деревнѣ школа была, чтобъ каждый кто ни на есть грамотѣ учился, и чтобъ черезъ десять лѣтъ не было въ королевствѣ ни одного человѣка неученаго и неграмотнаго. А кто будетъ неграмотный, и тому смерть, а всѣмъ грамотнымъ не быть никогда ни отъ кого битыми. Напужалися люди божіи, стали въ школы бѣгать, склады учить. Иной въ могилу уже смотритъ, годовъ 80, а съ указкой за книжкой сидитъ, ничего не разумѣя. Привалило столько народу, что учителей въ школахъ не хватило; доносили о томъ по порядку начальству, а начальство королю; но король слышать не хотѣлъ, велѣлъ однимъ у другихъ учиться. Учились старики, учились бабы, учились ребята. И такъ прошли девять лѣтъ. За это самое время много мальчугановъ и дѣвчонокъ въ школахъ перебывало, многіе и пришли и ушли, а старики и бабы все сидятъ съ указками въ рукахъ, и все склады учатъ. И когда сталъ подходить урочный срокъ, взмолились старики и старухи, чтобъ имъ головъ не рубить, чтобъ еще на свѣтѣ подержать ихъ немного, и чтобъ льготный срокъ годовъ пять дать — авось научатся. Велѣлъ тогда Бова стариковъ и бабъ изъ школъ

отпустить и въ вину имъ не ставить, если будутъ неграмотны. Пусть-де они и умрутъ такъ; а кто новый на свѣтъ народится, тому безпремѣнно въ школу ходить отнынѣ и на вѣки. Пришелъ и послѣдній день года, и велѣлъ Бова королевство свое экзаменовать. Разослалъ по селамъ цѣлую тучу комисаровъ изъ дьяковъ, изъ ярыжекъ, изъ купцовъ, изъ дворянъ, изъ людей земскихъ, и велѣлъ имъ, чтобъ весь черный народъ пересмотрѣли, и кто не умѣетъ читать и писать, тѣмъ бы головы нещадно рубили, кромѣ стариковъ и бабъ. Головъ комисары никому не рубили, подводили все подъ бабъ да подъ стариковъ, а карманы себѣ туго набили, и воротились доложить королю, что нѣтъ человѣка неграмотнаго, кромѣ стариковъ и бабъ. Много тутъ неправды подѣялось, а и помимо неправды столько народилось грамотныхъ въ королевствѣ, какъ нигдѣ еще въ свѣтѣ не видано въ черномъ народѣ. Некого и бить стало по всей землѣ. Велѣлъ тогда Бова всѣхъ черныхъ людей переписать и ихъ заработки, и каждый годъ такіе списки себѣ подавать.

Прошелъ первый годъ, подали королю списки, а въ спискахъ написано. Народилось у крестьянъ дѣтей сто тысячей, а выбыло изъ крестьянства людей сто тысячей и одна. Крестьянъ, значитъ, увеличилось родомъ, а числомъ уменьшилось на тысячу. И оттого заработокъ на каждаго пришелся двадцать пять рублей больше. А та тысяча, что изъ крестьянства вышла прочь, потому вышла, что иной, выходивъ школу сельскую, пошелъ еще въ уѣздную: полюбилось, значитъ. Иной, выходивъ школу уѣздную, дошелъ до губернской. А еще нѣкоторые до-

брались и до столичной школы. А изъ всѣхъ тѣхъ школъ одинъ пошелъ въ ярыжки, другой въ купцы, третій въ лекаря, четвертый въ архитекторы, пятый въ землемѣры, шестой въ офицеры, седьмой въ живописцы, осьмой въ инженеры, девятый въ попы, десятый въ ростовщики, одиннадцатый въ дворяне, а двѣнадцатый хватилъ и въ бояре. А тѣ новые ярыжки, купцы, лекаря, архитекторы, землемѣры, офицеры, живописцы, инженеры, ростовщики, дворяне, бояре стали бѣлый хлѣбъ ѣсть, котораго прежде не ѣли, стали лошадей и скотину держать, стали въ экипажахъ ѣздить, а не пѣшкомъ ходить, стали домы себѣ строить, стали фабрики заводить, стали заводы ставить, и по всему королевству потребовалось много хлѣба и много рабочихъ. А чрезъ то мужицкія руки и еще вздорожали, и заработокъ поднялся еще на двадцать на пять рублей, а съ прежнимъ на пятьдесятъ. А тѣ крестьяне, что никуда не вышли, что въ крестьянствѣ остались, остались грамотные. Грамотному же человѣку есть радость и кромѣ кабака, книжку читать, письмо писать, театръ смотрѣть. Меньше стало по кабакамъ ходить; а чрезъ то приходъ еще двадцать пять рублей, а съ прежними семьдесятъ пять. А меньше стало по кабакамъ ходить, и больше трезвыхъ дней въ году вышло. Трезвый же человѣкъ на руку не такъ тяжелъ какъ пьяный, и стало меньше разбойства по домамъ, надъ бабами и надъ малыми ребятишками. А бабы и малые ребятишки стали почитать тогда отцовъ и мужей, стали добро ихъ лучше беречь, и чрезъ то приходу еще двадцать пять рублей въ году, а съ прежними сто рублей. А какъ увидѣлъ мужикъ,

что дѣло спорится, что мошна его тучнѣетъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, что можно кой-что въ сберегательную кассу отнести, такъ ему захотѣлось отнести туда побольше. И сталъ онъ урѣзывать тамъ, гдѣ и не нужно было, сталъ не такъ вкусно ѣсть, не такъ мягко спать, заскупѣлъ немного, и чрезъ то приходъ еще двадцать пять рублей. И вышло всего приходу противъ прежняго года сто и двадцать пять рублей больше.

На другой годъ другіе списки поданы, и видно по нимъ: народилось крестьянъ девяносто тысячей, а выбыло изъ крестьянъ девяносто съ половиною, заработокъ вырось на сто рублей. На третій годъ третьи списки, и видно, что заработокъ поднялся на 80 рублей. На четвертый четвертые, и заработокъ сталъ выше на семьдесятъ пять рублей. На пятый годъ пятые,—и заработокъ подросъ на семьдесятъ рублей. Меньше и меньше прежняго, а все таки изъ году въ годъ заработокъ подымался. Радовался Бова не нарадовался, и не было для него лучшаго дня въ году, какъ списки читать. Такъ прожилъ онъ и процарствовалъ цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ и каждый годъ, читая списки, поминалъ про старца пилигрима, который унесъ у него мечь кладенецъ и увелъ коня богатырскаго, да за то три зелья далъ: одно такое что молодитъ, другое такое что старитъ, третье такое что сладкій сонъ посылаетъ. Одно только кручинило Бову для чего въ спискахъ ростъ заработка уменьшается: сперва сто двадцать пять рублевъ, потомъ сто, потомъ восемьдесятъ, потомъ семьдесятъ пять, и наконецъ семьдесятъ. Но разсчитавъ, Бова увидѣлъ, что на его вѣкъ еще хва-

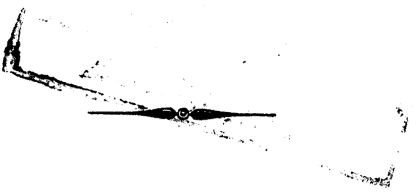
титъ, и заработокъ, хотя помаленьку, да все таки будетъ расти. Когда же королемъ станетъ Симбалда, тогда пусть самъ онъ и кручинится о народѣ.

Тогда приспѣлъ день смерти Бовы. Безъ болѣзни, безъ скорби кончался Бова. Подозвалъ къ себѣ Симбалду, Дружневну, Тервеза и Огена и такъ онъ имъ говорилъ. Заказываю вамъ всѣмъ Симбалду слушаться, какъ меня слушались; а тебѣ Симбалда приказываю о мужикахъ не забывать. Великое дѣло добрые и разумные бояре, великое дѣло славные и честные купцы и ярыжки, а еще большее дѣло хорошіе мужики. Изъ хорошихъ мужиковъ и хорошіе купцы съ ярыжками найдутся, изъ хорошихъ мужиковъ найдутся и хорошіе дворяне съ боярами. Изъ хорошихъ мужиковъ и бабы хорошія, изъ хорошихъ мужиковъ и ребята хорошіе. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; яблоня мужикъ, яблоки всѣ подданные твои: бояре и купцы — верхнія яблоки, бабы и дѣти крестьянскія — нижнія яблоки. Заговорилъ тогда королевичъ Симбалда и такъ сказалъ: скажи мнѣ король-батюшка, отецъ родной, какъ мнѣ съ пиллигримомъ повидаться?—Не надо тебѣ съ пиллигримомъ видаться, его нѣтъ больше на свѣтѣ. А зелье пиллигримово я и самъ тебѣ отдамъ. Первое зелье—ученье, оно молодого старитъ; второе зелье ученье, оно стараго молодитъ; третье зелье ученье жъ, оно и старому, и малому покой и сладкій сонъ даетъ.

Сказавши, испустилъ духъ. И пошла по всей землѣ печаль великая, неутѣшная.

А. Кругловъ

Хотѣлъ Кругловъ сказку сказать, а вышла у него наука: одна наука—Экономія, другая наука—Политика А больше того и нѣтъ никакихъ наукъ.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 18 Іюля 1873 г.